

ХVIII ЖЕБЕЛЁВСКИЕ ЧТЕНИЯ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКОМ ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ (19–21 октября 2016 г.)

В этом году XVIII Жебелёвские чтения в Институте истории Санкт-Петербургского университета состоялись в формате семинара в рамках Санкт-Петербургского международного культурного форума «Дни истории в СПбГУ». В этой научной встрече, которая ежегодно собирает антиковедов со всей России, приняли участие ученые из Санкт-Петербурга, Москвы, Вологды, Казани, Красноярска, Нижнего Новгорода, Перми, Петрозаводска, Самары, Саратова, Уфы, Ярославля, а также Познани (Польша), Риги (Латвия) и Хельсинки (Финляндия). За три дня работы семинара его участники представили и обсудили 59 докладов. В рамках чтений состоялись два пленарных заседания и была организована работа семи секций: истории древней Греции, истории эллинизма, истории Рима, источниковедения античной истории, историографии античной истории, истории античного христианства и периферии античного мира.

Конференция открылась 19 октября 2016 г. приветствием участникам семинара зам. директора Института истории СПбГУ *В. В. Шишкина*, а также вступительным словом профессора кафедры истории древней Греции и Рима СПбГУ *Э. Д. Фролова* «На излете классицизма: к 100-летию со дня смерти Петра Васильевича Никитина (1849–1916)». В этом выступлении была охарактеризована многогранная научная и общественная деятельность П. В. Никитина, видного представителя историко-филологического направления в русском антиковедении, а также выдающегося администратора. Он был вице-президентом Российской Академии наук, правой рукой ее президента, великого князя Константина Константиновича. Занимая столь высокий пост, он стойко и последовательно защищал классическое образование и антиковедную науку в России.

На первом пленарном заседании (председатели – Э. Д. Фролов, Кш. Крульчик, И. А. Ладынин, О. Ю. Климов) были представлены четыре доклада. Тема доклада *И. А. Ладынина* (Москва) – «Образ Птолемея в “Стеле сатрапа” и перспективы мира между диадохами 311 г. до н.э.». На основе подробного анализа соответствующих эпитетов и мотивов текста «Стелы...» автор показал, что ряд важнейших характеристик, в традиционных египетских текстах свойственных описаниям царя, в данном тексте переносится на Птолемея. И. А. Ладынин отметил, что этот памятник появился, очевидно, вскоре после заключения между диадохами завершившего их третью войну мирного договора 311 г. до н.э., а явная идеологическая тенденция его текста свидетельствует о том, что в планы сатрапа Египта едва ли входило длительное соблюдение условия этого договора о признании царем всей эллинистической ойкумены сына Александра и Роксаны. *А. В. Махлаук* (Нижний Новгород) в докладе «Император Август и историописание его времени» подчеркнул, что рассмотренные факты об отношениях Августа с ведущими литературными талантами своего времени показывают, что область историописания не оставалась вне пристального внимания принцепса, хотя, по большей части, он действовал достаточно тонкими методами, прибегая к репрессивным мерам только в крайних случаях. По замечанию докладчика, сама атмосфера в обществе явно не благоприятствовала появлению исторических трудов, расходящихся с официальной точкой зрения, в то же время в историографии времен Августа не обнаруживается какой-либо единственной и бесспорной «Августовой точки зрения» на римскую историю. Доклад *Кш. Крульчика* и *И. Дзяловской* (Познань) был посвящен теме «Идея *propagatio Imperii* в период правления Септимия Севера (193–211 гг.)». Проанализировав внешнюю политику Септимия Севера, докладчики отметили, что период его правления был бесспорно временем наивысшего могущества Римской империи, территория которой достигла в то время наибольших размеров в своей истории. Как заключили докладчики, идея *propagatio Imperii*, т.е. расширения территории империи, в версии Севера не была только пропагандистским лозунгом, но воплощалась императором в жизнь. *И. Е. Суриков* (Москва) в докладе «Школы в российском антиковедении наших дней (взгляд современника)» указал на важный феномен научных школ, весьма характерный для российского антиковедения в целом, и рассмотрел ту форму, в которой этот феномен существует

на нынешнем этапе. Автор отметил, что далеко не всегда выдающийся исследователь античности становится основателем научной школы, и, с другой стороны, не каждый основатель школы оказывается выдающимся исследователем. Эти два качества счастливо сошлись в фигуре Э.Д. Фролова, по определению автора доклада, схоларха нынешнего Санкт-Петербургского антиковедения. В качестве сопоставимого примера в докладе была рассмотрена школа И.Л. Маяк в Москве.

Во второй половине дня начали работу различные секции. Первое заседание секции истории древней Греции (председатель — С. М. Жестоканов) включало обсуждение шести докладов. Заседание открылось докладом *А. Л. Дарвина* (Петрозаводск) «Происхождение спартанских царей от Геракла: миф и пропаганда». Автор проанализировал лакедемонскую интерпретацию мифа о возвращении Гераклидов и ее связь с аргосским вариантом предания. А.Л. Дарвин обратил внимание на философско-этическую интерпретацию мифа и образа Геракла применительно к спартанской царской власти, а также на внешнеполитические аспекты спартанских царей как потомков Гераклидов. Д. В. Зайцев (Красноярск) в докладе «К проблеме итогов Лелантской войны» подчеркнул, что в связи с отсутствием прямых сведений источников в историографии высказывались две основные точки зрения относительно итогов этого конфликта: одни исследователи, опираясь на косвенные данные нарративной традиции (Геродот, Элиан, Плутарх), предполагают победу в войне Халкиды и ее союзников, другие — на основании археологических материалов считают, что в войне одержала победу коалиция во главе с Эретрией. По мнению автора доклада, вряд ли возможно определить время окончания войны и ее победителя, можно лишь утверждать, что к V в. до н.э. конфликт, вероятнее всего, завершился, а Лелантская долина в это время находилась под контролем халкидян. *Н. А. Шергина* (Санкт-Петербург) в докладе «Экономическое развитие Самоса в период архаики» подняла вопрос о времени наивысшего подъема экономики архаического Самоса: согласно первой точке зрения, восходящей к Геродоту и Фукидиду, это случилось во времена правления самого известного тирана — Поликрата, согласно второй — в период, предшествующий его правлению. Для аргументированного сравнения этих двух мнений в докладе были рассмотрены развитие флота, масштабы проводимой самосцами колонизации, торговля, эмиссия монеты и ремесленное производство архаического Самоса. *С. М. Жестоканов* (Санкт-Петербург) в докладе «Легенда о спасении Кипсела Коринфского» отметил, что это предание, по-видимому, было создано сторонниками Кипселидов с целью представления образа коринфского тирана в положительном свете и объяснения необходимости совершенного им государственного переворота. Автор провел анализ двух важных аспектов данной легенды: во-первых, преследование, еще в младенчестве, Кипсела представителями правящего рода Бакхиадов; во-вторых, происхождение его из местного додорийского населения. В докладе *И. А. Барсуковой* (Санкт-Петербург) «Особенности становления Беотийского союза на рубеже архаического и классического периодов» было отмечено, что формирование этого объединения заняло несколько десятилетий, при этом было осложнено вмешательством соседей, особенно Афин. В результате данный процесс завершился к началу классического периода. Это столь раннее объединение просуществовало довольно длительное время, что, по мнению автора, отличало его от других союзов. Доклад *О. И. Александровой* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Колонизация Эгины и Потидеи и устройство афинских колоний-эпохий в V в. до н.э.». Автор обратилась к анализу немногочисленных свидетельств о поселенцах-эпойках у античных авторов и в эпиграфических источниках и сделала попытку определить отличия этой категории колонистов от других, а также обозначить особенности афинских колоний-эпохий.

В этот же день начала работу секция по истории эллинизма, на первом заседании которой (председатели — О.Л. Габелко, Ю.Н. Кузьмин) прозвучали семь докладов. *М. М. Холод* (Санкт-Петербург) в докладе «О состоянии финансов Александра Великого в начале его восточного похода» заключил, что свидетельства античной литературной традиции о финансовом положении Александра Великого накануне его похода в Азию фиксируют реальный факт острой нужды Александра в деньгах (хотя и не катастрофического состояния его финансов) в тот момент. Особое внимание древних писателей к подобному факту было обусловлено тем, что он давал им отличную возможность если не создать, то, во всяком случае, развить уже существующий топос — о юном царе, который идет на войну, не оставив себе ничего, кроме долгов, а затем только лишь благодаря своим способностям добивается небывалого успеха. В докладе *Е. О. Стоянова* (Уфа) «Еще раз об этническом составе участников восстания Спитамена» была предпринята попытка систематизировать данные античной письменной традиции по данной проблеме, выявить специфику этногеографической номенклатуры отдельных историков Александра и определить, насколько она отражает этнографические реалии позднеахеменидской Средней Азии. По мнению автора, подобная реконструкция дает возможность в дальнейшем судить о степени вовлеченности в повстанческое движение на разных его этапах отдельных групп оседлого (бактрийцы,

согдийцы) и кочевого (дахи, массагеты и т.д.) населения региона. *А. М. Беликов* (Санкт-Петербург) в докладе «Рекреационное употребление опиума в эллинистическом мире: 1-й фрагмент Парменона из Византия (Parmeno I)», проанализировав данные письменной античной традиции, заключил, что никаких сведений о том, что опиум применялся греками эллинистического периода в рекреационных целях, не сохранилось. По мнению автора, с учетом относительной доступности опиума и осведомленности греков о психоактивных свойствах некоторых веществ растительного происхождения нельзя отрицать возможности употребления опиума для получения удовольствия и даже, вероятно, возникновения некоторых форм зависимости от него. Однако если подобные практики и существовали, то были редким и маргинальным явлением, не оставившим никаких следов в дошедших до нас источниках. В докладе «Гробница и рельеф: критические замечания по поводу монументального комплекса около Амфиополя» *Ю. Н. Кузьмин* (Самара) указал, что наиболее полная на сегодняшний день презентация результатов исследований (гробницы «македонского типа» под холмом Каста около Амфиополя состоялась в марте 2016 г. на 29-й конференции в Салониках, посвященной археологическим изысканиям в Македонии и Фракии, где был представлен и фрагмент рельефа с изображением воина, являющийся, по мнению команды археологов под руководством К. Перистери, элементом декора этого монумента. Итальянский искусствовед А. Корсо предположил, что рельеф следует датировать последними десятилетиями IV в. до н.э. и что на нем изображен Александр Великий, возглавляющий погребальную процессию Гефестиона, кенотафом/герооном которого К. Перистери и ее коллеги считают комплекс холма Каста. Автор доклада аргументировал свое несогласие с данной интерпретацией и предположил, что рельеф с большей вероятностью был частью не сохранившегося целиком надгробия македонского всадника, современника последних Антигонидов, а на уцелевшем фрагменте, скорее всего, изображен не главный персонаж, а лишь его оруженосец или слуга.

В докладе *Е. М. Берзон* (Москва) «Вавилонский царский список эллинистического времени как источник по истории династии Селевкидов» была предпринята попытка прокомментировать некоторые вопросы, связанные с прочтением и интерпретацией одного из важнейших клинописных поздневавилонских документов. Особое внимание Е. М. Берзон уделила анализу используемой в Вавилонском списке титулатуры представителей династии Селевкидов, а также формулам, обозначающим вступление на престол или смерть того или иного царя. *А. Г. Грушевой* (Санкт-Петербург) в докладе «Приена в последней четверти II в. до н.э.: надписи IPriene 107, 108, 109 как исторический источник» указал, что эти три почетных декрета последней четверти II в. до н.э. в честь городских эвергетов-благотелей отражают основную специфику этого периода, когда в связи с усилением римского влияния в греческом мире подобные фигуры в полисах становятся все более значимыми. По замечанию автора, текст надписей позволяет судить об изменении статуса эвергетов-благотелей в глазах граждан города, о проблемах городского хозяйства Приены и о процессе установления дружественных взаимоотношений с Римом. В докладе *А. Б. Шарниной* (Санкт-Петербург) «Асилия — от обычая к договору (Инструмент дипломатии в военных конфликтах в эллинистическую эпоху)» было отмечено, что с начала III в. до н.э., в условиях бесчисленных войн полисы стали добиваться от общин и монархов пожалования асилии — официального признания неприкосновенности своих святилищ, а иногда и самого города. По мнению автора, распространение асилии отражает переход от обычного права к письменному даже в религиозной жизни полисов.

На первом заседании секции по истории Рима (председатели — А. В. Короленков, В. Н. Парфенов) были обсуждены шесть докладов. Доклад *А. Н. Грешных* (Москва) «Римские божества вод и источников: круг мифов и практика культа» был посвящен комплексному анализу данных об элементах культа ряда «водных» божеств (Эгерии, Ютурны, Портуна и еще нескольких), а также связанных с ними этиологических и культовых мифов. По мнению автора, это позволило обнаружить их тесные архаические связи с почитанием так называемых богов Индигетов (*diī Indigetes*), что дает возможность также уточнить специфику представлений архаических римлян о роли воды как сакральной стихии. В докладе *В. А. Квашина* (Вологда) «Римские законы о роскоши в свете эволюции римской *civitas* в IV–III вв. до н.э.» была предпринята попытка связать возросшую в годы Ганнибаловой войны законотворческую активность плебейских трибунов, выразившуюся, в частности, в принятии ряда законов о роскоши, с тенденциями социального и политического развития Римской республики на протяжении III в. до н.э. Основным содержанием этого периода является завершение формирования основных институтов римской *civitas*, совпавшее по времени с успешной военной экспансией Рима в Италии и за ее пределами. Особое внимание автор доклада уделил изменениям в правящей элите Рима. *И. В. Меркулов* (Новоаннинск) в докладе «*Muli Mariani*: к вопросу о взаимоотношениях Мария со Сципионом

Эмилианом» рассмотрел вопрос, когда и при каких обстоятельствах могла возникнуть поговорка *mulī mariani*, которая стала у римлян олицетворением стойкости, упорства, трудолюбия, способности переносить тяготы и лишения военной службы. Тема доклада *А. В. Васильева* (Санкт-Петербург) — «Римский аристократ в роли гладиатора: возможна ли благородная смерть на арене?» Автор обратился к феномену «благородной смерти», который с момента казни Сократа занял особое место в античной культуре. По его мнению, такой вид смерти, которая обычно становилась неизбежной (впрочем, отнюдь не обязательно подразумевала самоубийство), должен был быть принятым добровольно и с достоинством. А. В. Васильев показал, что смерть на арене в определенных обстоятельствах могла рассматриваться как «благородная смерть». В докладе «Безымянные герои Саллюстия» *А. В. Короленков* (Москва) рассмотрел вопрос о персонажах Саллюстия, которых тот либо не назвал, либо упоминал их неполное имя. Докладчик отметил, что это могло быть связано как с неосведомленностью писателя, так и с его подражанием Катону. По мнению автора, универсального объяснения тому, по какой причине Саллюстий называет или опускает имена отдельных лиц, дать невозможно, однако дальнейшее изучение вопроса может показать некоторые особенности мышления Саллюстия. *Т. В. Кудрявцева* (Санкт-Петербург) в докладе «Антипиратская кампания Помпея: новая актуальность» подчеркнула, что тема борьбы римлян с пиратами, античные примеры решения данной проблемы приобрели в начале XXI в. актуальность в связи с ростом террористических угроз в современном мире, в том числе пиратства. Сюжет о чрезвычайных полномочиях (империи) Помпея, полученных им в 66 г. до н.э. для ведения войны с пиратами, по мнению автора, оказывается именно таким примером. Т. В. Кудрявцева сделала акцент на необычной, — с точки зрения применявшихся ранее римлянами сценариев разрешения конфликта, — деятельности Помпея по социализации и инкорпорации бывших пиратов в мирную жизнь через их расселение и предоставление земельных наделов.

20 октября работа секций была продолжена. Программой второго заседания секции истории древней Греции (председатели — В. М. Строгецкий, Е. В. Никитюк) включала три доклада, в которых рассматривались проблемы классического периода греческой истории. Анализу свидетельств «Истории» Геродота был посвящен доклад *А. А. Сеницына* (Санкт-Петербург) «Канаты и мосты: Геродот об окончании персидского вторжения». В докладе «Социально-экономические и правовые особенности эволюции Афинского морского союза» *В. М. Строгецкий* (Нижний Новгород) указал, что проблемы развития данного союза тесно связаны с темой полиса и, обратившись прежде всего к сочинениям Фукидида и Аристотеля, уделил особое внимание вопросу о соотношении понятий «полис» и «город». В докладе «“Совет друзей” Дионисия Старшего (404 г. до н.э.) и проблема источников “Исторической библиотеки” Диодора Сицилийского» *Д. В. Бубнов* (Пермь) отметил, что большинство исследователей придерживается мнения о том, что рассказ Диодора о «совете друзей» Дионисия во время восстания сиракузян в 404 г. до н.э. в XIV. 8 восходит к сообщению Тимея, а в XX. 78 — Филиста. По мнению автора доклада, некоторые особенности описания этого события не позволяют согласиться с такой идентификацией источников Диодора: более вероятно, что в первом случае были напрямую использованы данные Филиста, тогда как в основе второго сообщения лежат исторические свидетельства, переработанные в рамках риторической традиции, восходящей, по-видимому, к Исократу.

Продолжила свою работу и секция истории эллинизма, второе заседание которой (председатели — М. М. Холод, С. К. Сизов) предполагало обсуждение пяти докладов. В докладе «Власть Атталидов и Селевкидов в западной части Малой Азии в III в. до н.э.» *О. Ю. Климов* (Санкт-Петербург) выступил против предложенной Б. Хрубасиком новой схемы соотношения власти Селевкидов и Атталидов в западной части Малой Азии, согласно которой власть двух династий осуществлялась в определенной степени совместно, при этом Атталиды действовали в интересах Селевкидов и от их имени до начала II в. до н.э., являя собой еще один пример зависимых от царей династов. Докладчик поддержал ранее укрепившееся в исследованиях истории Пергамского государства мнение о том, что уже основатель династии Атталидов Филетер, признавая формально власть Селевкидов, во многих своих действиях вел себя как суверенный правитель. Его преемник Эвмен I открыто выступил против Антиоха I, после чего не только фактически, но и формально Атталиды действовали как самостоятельные правители. *А. А. Антонов* (Санкт-Петербург) в докладе «Становление полисной организации в эллинистических военных поселениях» на основе анализа эпиграфических документов показал эволюцию политической и социальной организации эллинистических военных поселений — *катойкий* — в полисную форму. Особое внимание автор уделит малоизвестной надписи середины II в. до н.э. из Пессинунта, в которой показан переход военного поселения под юрисдикцию гражданских властей, а также рассмотрел вопрос о солдатских религиозных ассоциациях (*χοινά*), которые, по мнению некоторых исследователей, были прообразом полиса и его органов самоуправления. Доклад *С. К. Сизова* (Нижний

Новгород) «*Senatus populusque Graecus*: реформа политического устройства городов Пелопоннеса в 146 г. до н.э.» был посвящен управлению новыми римскими владениями в Пелопоннесе, организацию которого, после завершения Ахейской войны и разрушения Коринфа, начал осуществлять консул Луций Муммий вместе с назначенной сенатом комиссией из десяти человек. Новые эпиграфические данные доказывают, что следствием этого стало создание в полисах Южной Греции нового органа под названием *συμβόριον* (греческий эквивалент латинского *senatus*), который пришел на смену обычному типу городского совета (*βουλή*). Сведения об аналогичных мероприятиях римских властей в других провинциях Римской республики, а также некоторые эпиграфические данные позволили автору доклада предположить, что *συμβόριον* создавался по образцу римского сената (цензовый отбор, пожизненное членство, огромные полномочия) и должен был стать оплотом власти багальной элиты в городах Пелопоннеса. *О. Л. Габелко* (Москва) в докладе «К интерпретации батальной сцены на погребальной стеле из Шиле» указал, что на стеле вифинского всадника, опубликованной в 2002 г., изображена батальная сцена, в которой противником кавалериста выступает пехотинец с мечом и длинным щитом — *фиреом*, — очевидно, галат; специфичной чертой данной стелы является наличие между двумя фигурами сражающихся третьей — лежащего обнаженного человека с длинными волосами и без какого-либо оружия. Автор доклада, вопреки мнению первоиздателей, предполагает, что здесь представлен не убитый кельтский воин, а галатская женщина, и соотносит изображенную сцену с битвой вифинского царя Пруссия I против перешедших в Азию галатов-эгосагов (216 г. до н.э.). Тема доклада *А. К. Нефёдкина* (Санкт-Петербург) — «Полисы Малой Азии и война (вторая половина II—I в. до н.э.)». Автор подчеркнул, что после установления римского владычества в Малой Азии эллины продолжали сохранять свои военные полисные институты (институт стратегов, эфебии и военную обязанность граждан). Докладчик указал, что после превращения Малой Азии в римскую провинцию полисы были лишены свободы во внешней политике, но сохранили относительную внутреннюю автономию, при этом греческие полисы считались союзниками римской державы и греки воевали в составе своих собственных отрядов со своими командирами.

Одновременно в этот день проходило второе заседание секции истории Рима (председатели — *М. В. Белкин*, *В. О. Никишин*), на котором прослушали пять докладов. *А. Ю. Маркелов* (Самара) в докладе «Кризис 19 г. до н.э. и сенат» отметил, что события 19 г. до н.э., когда в Риме начались беспорядки, закончившиеся кровопролитием, по-разному интерпретируются исследователями, при этом точки зрения на роль сената в ликвидации кризисной ситуации также весьма различны — от признания полной его беспомощности до восхваления слаженных действий по наведению порядка в городе совместно с консулом. *А. Ю. Маркелов* предложил свою реконструкцию событий и роли, которую сыграл в них сенат. В докладе *А. Б. Егорова* (Санкт-Петербург) «Союзническая война и ее роль в кризисе I в. до н.э.» были проанализированы военные действия, соотношение сил и итоги войны, которая стала одним из ключевых событий эпохи Гражданских войн в Риме. По мнению докладчика, Союзническая война была не борьбой Рима с италийскими племенами, а столкновением двух Италий — «богатой», более урбанизированной и экономически развитой, и более «бедной». В докладе *Е. Л. Смирновой* (Петрозаводск) «Египетские заботы императора Веспасиана: необходимость или тонкий расчет?» был рассмотрен вопрос о причинах длительного пребывания императора Веспасиана в Египте, в результате чего появление принцепса в столице империи было отложено более чем на полгода после дарования ему императорских полномочий римским сенатом. По мнению автора, промедление Веспасиана было связано не столько с его заботой о прочном контроле над важной в стратегическом и финансовом отношении провинцией, сколько со стремлением нового принцепса всеми силами избежать проявлений враждебности со стороны жителей Рима, которая была практически неизбежной из-за непопулярных мер по восстановлению порядка в столице империи после гражданских войн и по обеспечению стабильности императорской власти. Тема доклада *Е. А. Мехмадиева* (Санкт-Петербург) — «Легион *Moesiaci* и проблемы военной политики императора Максенция (306–312)». Автор обратил внимание аудитории на одну из так называемых малых латинских хроник — «Хроника 354 г.», которая содержит сведения о легионе *Moesiaci* в период Максенция, так как этот нарративный источник является единственным, упоминающим другое войсковое подразделение, кроме преторианских когорт, которое воевало на стороне Максенция. По мнению автора, сопоставление текста хроники и имеющихся надписей позволяет более детально рассмотреть организационную структуру армии Максенция. В докладе *В. О. Никишина* (Москва) «“Похищение Европы”»: коллапс Римской империи как следствие трансформации позднеантичного общества» была затронута тема римской ксенофобии и специфического римского «шовинизма». Автор заключил, что главными причинами падения Римской империи стала утрата римлянами своей национально-культурной идентичности и всеобщая варваризация позднеримского

общества. Закономерным результатом этой внутренней трансформации стал внешний, т.е. военно-политический коллапс: сначала распад Римской средиземноморской державы, а затем и гибель Западной Римской империи под натиском варварских орд.

Во второй половине дня работа секций была продолжена. Программа секции по истории античного христианства (председатели — О. В. Кулишова, А. Д. Пантелеев) состояла из трех докладов. В докладе *А. Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «“Послание о Лионских мучениках”»: проблемы источника и интерпретации» был рассмотрен рассказ Евсевия Кесарийского в «Церковной истории» о гонениях, происшедших в 177 г. в Лионе (Eus. HE. V. 1). Автор доклада обратил особое внимание на причины лионских преследований и место отступников в рассказе Евсевия. Наряду с обычными факторами, вызывавшими антихристианские выступления (нелюбовь местного населения, подозрения в нелояльности и уголовных преступлениях, природные и социальные бедствия), исследователи обращают внимание на деятельность сторонников Кибелы и Аттиса (А. Оден), возможные проблемы с императорским культом (Р. Туркан, Д. Фишвик) и на постановление сената, которое позволило провинциям покупать гладиаторов по низким ценам (CIL II. 6278 = ILS 5163; Дж. Оливер и Р. Палмер). Особое место в «Послании...» занимают отступники, описание незавидной судьбы которых должно было навсегда удержать остальных христиан от этого шага. *А. В. Зибяев* (Саратов) посвятил свой доклад теме «Понятия *κόβρος* и *φύσις* в “Церковной истории” Филосторгия: проблема влияния классической традиции на греческую историографию поздней античности». *Д. М. Омельченко* (Санкт-Петербург) в докладе «К проблеме основания монастыря св. Виктора в Массилии» указала, что мужской монастырь св. мученика Виктора близ Массилии был основан в 417 или 418 г. Иоанном Кассианом Римлянином (ок. 360 — ок. 435 г.), и выдвинула несколько предположений относительно обстоятельств создания монастыря, которые, в частности, могут дополнить представление о Кассиане как «проводнике» восточной традиции на Западе.

В это же время проходила работа секции по историографии античной истории (ведущие — А. В. Коптев, Н. С. Алмазова), на которой были представлены четыре доклада. В докладе *Н. С. Алмазовой* (Москва) «Как поссорились два профессора римской словесности: из истории антиковедения в Казанском университете (80—90-е годы XIX в.)» была проанализирована своеобразная ситуация, которая сложилась на кафедре римской словесности в Казанском университете в конце XIX в., когда конфликт двух представителей этой кафедры, а именно, профессоров Д. И. Нагурского и С. Ф. Опацкого, мешал как делу преподавания, так и их собственным научным изысканиям, что в конечном итоге не способствовало плодотворной работе и развитию кафедры. Тема доклада *Е. С. Данилова* (Ярославль) — «Сергей Иванович Радциг в Ярославле». В 1957 г. в «Вестнике древней истории» (№ 4, с. 202) было опубликовано поздравление известному антиковеду, доктору филологических наук, профессору С. И. Радцигу по случаю 75-летия, в котором отмечалось, что С. И. Радциг «одно время читал лекции по античной и западноевропейской литературе в Ярославском государственном университете», а также были приведены названия двух статей, изданных им в Ярославле. На основе архивных материалов (ГАЯО, РГАЛИ, Фонд рукописей РГБ) Е. С. Данилов уточнил факты научно-педагогической деятельности С. И. Радцига в период его пребывания в Ярославле. *А. Р. Аетбаев* (Уфа) в докладе «А. И. Доватур и студенческий кружок классической филологии (1956—1982)» указал, что рождение кружка относится к февралю 1956 г., а первыми его участниками были А. И. Доватур, А. И. Зайцев, Н. В. Шебакин, Л. М. Марченко, Г. Е. Литвинова. Автор рассмотрел темы и порядок заседаний, отметил, что участниками работы кружка фактически являлись все студенты и преподаватели классического отделения. Завершил заседание доклад *А. В. Контева* (Тампере, Финляндия) «Империй республиканских магистратов в античной и современной историографии». Автор указал, что в недавно опубликованных монографиях Ф. Верваата и Ф. Дрогулы проблема республиканского империя рассматривается с разных точек зрения: Ф. Верваат продолжает традиционный подход Т. Моммзена, возводившего магистратский империй к власти ранних римских царей, а Ф. Дрогула следует авторитетной концепции А. Хойса, считавшего империй военной властью высших военачальников. Как подчеркнул докладчик, на представление о власти царей в римской историографии оказал влияние образ эллинистических монархов, в то время как в круг полномочий ранних царей, скорее всего, не входили военный империй и административная власть. По мнению А. В. Контева, традиция о возникновении консулата была создана первыми римскими историками под влиянием греческой политической культуры, обычай же избирать консулов в центуриатных комициях за померием указывает на их первоначальную роль военных предводителей.

В заключительный день, 21 октября, конференция продолжила свою работу на утренних заседаниях секций. Заседание секции источниковедения античной истории (председатели — Т. В. Антонов, Р. В. Светлов) предполагало обсуждение шести докладов. Открыл заседание доклад

Р. В. Светлова (Санкт-Петербург) «Города мужественных и уравновешенных: исторические прецеденты и политическая логика Платона в диалоге “Политик”». Докладчик подчеркнул, что в упомянутом диалоге рассказывается о судьбе тех городов, в которых доминирует какая-то одна из добродетелей, необходимых для деятельности идеального государственного мужа. На взгляд Р. В. Светлова, Платон ссылается при этом и на исторические прецеденты, и на события, случившиеся во времена его жизни, точная идентификация которых позволит понять политическую логику в сочинениях Платона позднего периода его творчества и даст возможность проследить, как образованные люди в Афинах оценивали и объясняли особенности бурных исторических процессов в Элладе в середине IV в. до н.э. Обсуждение наследия Платона продолжила *Е. К. Земцова* (Санкт-Петербург) в докладе «Утопия: город или государство? К вопросу об истоках утопических образов в античной литературе». По ее замечанию, утопия в античности оказывается, как правило, проектом идеального полиса и видится неким упорядоченным обществом, над которым господствует город; образ городского пространства навеян, с одной стороны, описаниями восточных городов, с другой — этот образ органически связан с полисной системой. В докладе были проанализированы различные подходы к этой теме в современной историографии: ряд исследователей рассматривает проекты Платона и Аристотеля как «памятники урбанизма», а другие считают, что образ города не занимает существенного места в античной утопии, связывая ее с идеальным государством. По мнению Е. К. Земцовой, ключевую роль в греческих утопиях играет полис, который в данном случае не следует разделять на составляющие в виде города, государства и общины. Тема доклада *Т. В. Антонова* (Санкт-Петербург) — «Влияние Платоновской Академии на Лукулла и Цицерона». В начале I в. до н.э. римская аристократия стала увлеченно изучать греческую философию, академический платонизм определил формирование личности таких знаменитостей, как Лукулл и Цицерон, при этом особенно значительным было влияние двух ученых Академии — Филона из Лариссы и Антиоха из Аскалона. Как отметил Т. В. Антонов, это сотрудничество Академии и римской аристократии было взаимовыгодным: после гибели Академии Цицерон и Лукулл оказывали всяческую поддержку Антиоху, сумевшему возродить частично школу Платона. Доклад *М. Н. Кирилловой* (Москва) «Cicero. De oratore II, 284: опыт историко-правового комментария» был посвящен анализу фрагмента сочинения Цицерона «Об ораторе», который находится в части трактата, посвященной ораторскому остроумию, однако передает также данные, важные для изучения римской аграрной истории. По мнению М. Н. Кирилловой, фрагмент содержит пример ненадлежащего исполнения закона, ограничивающего использование общественных земель в качестве пастбища, о котором упоминал Катон (ORF. Sato. Fr. 40), что позволяет уточнить имеющиеся сведения о землепользовании II в. до н.э. Тема доклада *С. П. Выскубова* (Саратов) — «Три автора одной эпохи о Зевсе Фидия: Дион, Павсаний и Лукиан». Автор обратился к наиболее полным описаниям статуи Фидия в античной традиции, которые сохранились у авторов I—II вв. — времени особого интереса к эллинской культуре. Анализ данных текстов, по мнению автора, дает возможность выявить непосредственную связь Павсания с Дионом и Лукианом, лучше понять эпоху и особенности мировоззрения каждого из писателей, а также сопоставить их взгляды на образ Зевса, созданный Фидием, и оценить образ Олимпийца, сформировавшийся в эпоху, к которой принадлежали данные авторы. Доклад *О. В. Пржигодзкой* (Санкт-Петербург) «К вопросу о формировании идей антигерманизма в позднеантичном обществе» был посвящен философскому кружку, существовавшему в Константинополе в конце IV в. В докладе были рассмотрены биографии участников кружка — видных представителей позднеантичной общественной мысли — Анастасия, Троила, Аврелиана, Синезия, их политическая и общественная деятельность. О. В. Пржигодзкая подчеркнула, что основным направлением деятельности кружка стало распространение идей антигерманизма, выявление опасных для Империи тенденций, возникших с увеличением числа германцев и их влияния на позднеантичное общество.

В это же время проходила работа секции, посвященной периферии античного мира (председатели — А. Б. Егоров, Н. С. Широкова), на которой заслушали четыре доклада. *А. М. Бутягин* (Санкт-Петербург) представил доклад «Война и вооружение на Боспоре в конце VI—V вв. до н.э.». Автор указал на то, что имеющиеся данные о вооружении боспорян и ведении ими боевых действий в архаический и раннеклассический период отличаются неполнотой, поэтому большое значение имеет интерпретация захоронений с оружием, в которых представлены мечи скифских типов. Как отметил А. М. Бутягин, они обычно интерпретируются как пример адаптации местной тактики и вооружения греческими колонистами, в то же время немногочисленные письменные источники и археологические находки дают основание предполагать инфильтрацию большого количества воинов из местных племен в состав войска боспорских городов. В докладе «Карта Птолея и античные периплы» *Д. А. Шеглов* (Санкт-Петербург), сопоставив карту Птолея

с данными периплов о протяженности береговой линии, указал на многочисленные совпадения и заключил, что карта Птолемея опиралась на сведения аналогичных периплов в значительно большей степени, чем это допускалось ранее. В докладе также было прослежено влияние на карту Птолемея заниженной оценки окружности Земли, которую он положил в ее основу, и отмечены связанные с этим искажения: сделанные наблюдения, в частности, позволяющие объяснить необычную конфигурацию Каспийского моря на карте Птолемея. *Н. С. Широкова* (Санкт-Петербург) в докладе «Культе богини Ковентины в римской Британии» подчеркнула, что в Северной Британии культ богини Ковентины был сосредоточен в одном-единственном месте — в Карробурге, на валу Адриана. Ковентина была богиней священного колодца, сооруженного для сбора воды бывшего из-под земли источника. Святилище было построено по типу прямоугольных или квадратных романо-кельтских храмов, особенностью его был колодец в центре каменной ограды вместо целлы храма. В заключение *Н. С. Широкова* отметила, что в римской Британии, кроме римских и романо-кельтских божеств, почитались и кельтские божества, представленные в романизированных формах, к которым и принадлежала Ковентина. *И. М. Никольский* (Москва) прочитал доклад на тему «“Искушение” Драконция: политическая идеология в королевстве вандалов». По наблюдению автора, в этом сочинении Драконций (вторая половина V в.) перечисляет необходимые, с его точки зрения, для добропорядочного правителя черты, приводит в качестве образцов достойного поведения примеры римских императоров и библейских царей. На основании анализа текста *И. М. Никольский* попытался ответить на вопрос, насколько политическая культура первых варварских королевств была зависима от античной традиции, а насколько была самостоятельным явлением, задавшим тон для последующего развития в этой сфере на столетия вперед.

На заключительном пленарном заседании во второй половине дня 21 октября (председатели — *Ю. А. Виноградов*, *Ю. Б. Циркин*, *Э. Д. Фролов*) было прочитано пять докладов. *О. В. Кулишова* (Санкт-Петербург) представила доклад на тему «Особенности драматических агонов на афинских Ленеях». По ее замечанию, об основном различии в характере двух главных «театральных» праздников в Афинах определенно свидетельствует литературная традиция: если Великие, или Городские, Дионисии, к которым была приурочена ежегодная уплата фороса союзниками, были грандиозным «международным» праздником с присутствием множества гостей, то Ленеи, в том числе и из-за трудностей морского путешествия зимой, были более скромным «местным» праздником для афинян. В докладе были рассмотрены различные вопросы организации Лнейей: время и место проведения, программа драматических агонов, особенности представления трагедий и комедий, а также была затронута тема успеха Аристофана на лнейских состязаниях. *Х. Туманс* (Рига) прочитал доклад «Несколько замечаний о Сигее, Фриноне и Питтаке». По мнению автора, вопрос об основании афинянами Сигея недостаточно освещен в источниках и поэтому продолжает привлекать внимание исследователей. По предположению докладчика, причины экспедиции Фринона следует искать не в сфере экономики, а в области идеологии: Фринон отправился в Троаду с целью реализовать свой статус и харизму олимпийского победителя, так как не имел возможности претендовать на власть в родных Афинах. Особое внимание в докладе было уделено поединку Фринона и Питтака во время первой войны афинян и митиленцев за обладание Сигеем, который *Х. Туманс* представил как столкновение двух мировоззрений — аристократической системы ценностей и новой полисной идеологии. *Ю. Б. Циркин* (Санкт-Петербург) в докладе «Конец олигархической стабильности» указал, что после победы Рима во II Пунической войне наступило время, которое в науке порой называют периодом олигархической стабильности. Политические и идеологические предпосылки его завершения возникли после разрушения Карфагена в 146 г. до н.э., большую роль в этом сыграл кружок Сципиона Эмилиана. Как заключил докладчик, оппозиция Эмилиана и его друзей осталась чисто теоретической, но она создавала ту общественную атмосферу, в которой рождались антисенаторские настроения; важно и то, что в рядах самой правящей элиты возникло течение против всевластия сенаторской олигархии. По заключению *Ю. Б. Циркина*, определенный этап, который можно назвать концом олигархической стабильности, — это время 146–133 гг. до н.э., между падением Карфагена и решительным выступлением Тиберия Гракха, с которого начинается новый период политической истории Римской республики. *В. Н. Парфенов* (Саратов) в докладе «“Perdomita Britannia et statim missa” (Финал британского проекта Флавиев)» отметил, что после победы Гнея Юлия Агриколы в Британии в 83 г. для окончательного ее завоевания, по утверждению Тацита, требовались лишь незначительные усилия, однако Домициан сворачивает британский проект Флавиев и отзывает Агриколу в Рим. По мнению автора доклада, судьба римских завоеваний на севере Британии была тесно связана с военными действиями в бассейне Рейна и Дуная, и римские гарнизоны спешно покидают места своей дислокации на севере Британии, чтобы сделать возможным

перевод одного из четырех легионов на континент для участия в дальнейших боевых действиях против даков; в этой ситуации продолжение завоевания Британии было справедливо признано Домицианом бесперспективным. Завершил программу заседания доклад *Ю. А. Виноградова* (Санкт-Петербург) «Последнее письмо академика С. А. Жебелёва», который был посвящен неопубликованному письму, написанному С. А. Жебелёвым В. Ф. Штейн в Новосибирск (ПФА РАН, ф. 729, оп. 5, № 151, л. 83). В письме, датированном 13 октября 1941 г., упоминается о неудачной попытке С. А. Жебелёва и его близких эвакуироваться из блокированного Ленинграда.

На заключительном пленарном заседании также состоялась презентация новых изданий по античности: *А. Д. Пантелеев* представил участникам семинара новый выпуск периодического издания «Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира» (вып. 16, 1. СПб., 2016), *И. А. Ладынин* — коллективную монографию: «“Боги среди людей”: культ правителей в эллинистическом, постэллинистическом и римском мире» (отв. ред. С. Ю. Сапрыкин, И. А. Ладынин. М. — СПб., 2016).

Итоги Чтений в своем заключительном выступлении на пленарном заседании подвел зав. кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ проф. *О. Ю. Климов*, который отметил, что традиция ежегодных научных встреч антиковедов в Санкт-Петербургском университете была успешно продолжена и в этом году. О. Ю. Климов отметил разнообразие тематики выступлений на «Жебелёвских чтениях» и заинтересованное обсуждение докладов, представленных как авторитетными учеными, так и молодыми начинающими исследователями.

Oksana V. Kulishova
Eduard D. Frolov
Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia
o.kulishova@spbu.ru
eduard.frolov@spbu.ru

О.В. Кулишова
Э.Д. Фролов
кафедра истории древней Греции и Рима,
Санкт-Петербургский государственный университет,
Санкт-Петербург Россия

Vestnik drevney istorii
77/2 (2017), 505–508
© The Author(s) 2017

Вестник древней истории
77/2 (2017), 505–508
© Автор(ы) 2017

КОНФЕРЕНЦИЯ «СОВЕТСКАЯ ДРЕВНОСТЬ – 2: ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ И РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ В СССР»

(Москва, Институт всеобщей истории РАН, Российский государственный гуманитарный университет, 25–26 ноября 2016 г.)

25–26 ноября 2016 г. в Москве, в Институте всеобщей истории РАН и Российском государственном гуманитарном университете состоялась вторая конференция «Советская древность», посвященная памяти исследователя эллинистического Египта и отечественной историографии древности Юрия Николаевича Литвиненко (1957–2009). На конференции были заслушаны доклады, в которых рассматривалась история изучения древности и рецепции античного наследия в СССР. Организаторами конференции выступили С. Г. Карпюк (Институт всеобщей истории РАН) и И. А. Ладынин (исторический факультет МГУ им. М. В. Ломоносова).

В первый день работы конференции, названный «Гранит науки» и прошедший в ИВИ РАН, были представлены доклады о советских учебниках по истории древнего мира и смежным дисциплинам. Первое («учебно-методическое») заседание «Содержание и форма: как создавались советские учебники древней истории для вузов и школ» открыл доклад *Н. С. Алмазовой* (Москва) «На рубеже эпох. Лекционные курсы М. М. Хвостова по древней истории в преподавании в 1900–1920-е годы». Докладчица рассмотрела лекционные курсы «История древнего Востока» и «История Греции», созданные известным дореволюционным исследователем эллинистического Египта М. М. Хвостовым и переизданным в 1920-е годы в качестве учебников для вузов по инициативе Г. М. Пригоровского. Было продемонстрировано влияние циклистской концепции на схемы,

лежавшие в основе этих учебников; признание их автором решающего воздействия материальных факторов на ход исторического процесса носило все же совершенно иной характер, нежели в марксистской теории. *О. И. Малюгин* (Минск) в докладе «От “большевистского Иловайского” до учебника без авторов: школьные учебники по древней истории 1930-х годов» рассмотрел создание и обсуждение текста стабильного учебника по древней истории и показал процесс «усвоения» его авторами марксистской методологии. В ходе этого усвоения произошел переход от авторского текста академика Н. М. Никольского к коллективному труду, а анонимность издания 1940 г. была вызвана, скорее всего, тем обстоятельством, что ряд членов авторского коллектива были репрессированы в ходе работы над учебником. Доклад *С. Б. Криха* (Омск) «Картинки в книжке: изобразительный ряд в советских школьных учебниках по древней истории» был построен как исследование эволюции изображений и уровня их интегрированности в текст в советской учебной литературе (на основе анализа учебников Н. М. Никольского, А. В. Мишулина (ред.), С. И. Ковалева, Ф. П. Коровкина). Автор обратил внимание на такие характеристики изобразительного ряда в советских учебниках, как текстоориентированность и систематизация. Изображения должны были дать школьнику возможность лучше представить изучаемую эпоху и пробудить фантазию, но исключительно в заранее заданном направлении. Достигнув своих наивысших возможностей по воздействию на читателя в ранних учебниках Ф. П. Коровкина, изобразительный ряд в позднюю советскую эпоху изменился в направлении утраты целостной концепции изображаемого и отхода от реализма к условности, что можно считать одним из признаков диссолюции образа древности в советской культуре.

М. В. Дурново (Москва) в докладе «Римское частное право в советских учебниках по истории древнего Рима и римская история в советских учебниках по римскому праву» показал, что в учебниках по истории древнего Рима конца 1930–1940-х годов (В. С. Сергеева, Н. А. Машкина) материал по римскому частному праву привлекался их авторами весьма активно, причем были реализованы два подхода к его подаче: 1) интегрирование правового материала в разделы по социально-экономическому развитию Рима и 2) выделение отдельных параграфов, посвященных развитию права (как правило, в составе глав по культуре древнего Рима). Одновременно в конце 1940-х годов в учебнике по римскому частному праву под редакцией И. Б. Новицкого и И. С. Петерерского была предпринята попытка показать с марксистских позиций связь правовых норм и институтов с социально-экономической историей Рима. С середины 1950-х годов объем материала по римскому частному праву в учебниках по истории Рима заметно сокращается, и эта тенденция сохраняется вплоть до конца советской эпохи.

Следующее заседание («концептуальное») «От пирамид до средневековья: схемы советских вузовских учебников по древности и их наполнение» открыл доклад *И. А. Лабынина* и *Н. С. Тимофеевой* (Москва) «Обсуждения учебника В. И. Авдиева “История древнего Востока” в 1940–1950-е годы (по материалам архивов РАН и кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ)». На архивном материале, дополненном опубликованными в периодике рецензиями, авторы продемонстрировали, что уже на этапе обсуждения первых двух изданий учебника В. И. Авдиева (1948 и 1953 гг.) были четко выявлены его серьезные недостатки. При этом сам характер обсуждения позволяет констатировать, что в это время в рамках тенденции «сталинского ампира» критерием качества вузовского учебника вновь стала его фактографическая состоятельность, а не правота отразившихся в нем теоретических схем. *В. В. Файер* (Москва) выступил с докладом «(Не)удобная латынь: методические эксперименты в советских учебниках древних языков». По его мнению, главное отличие современного учебника латыни от типичного дореволюционного — деление на «уроки» (юниты), в каждом из которых фрагменты грамматического описания соседствуют с постепенно усложняющимися текстами и заданиями. В докладе было показано, что эта структура учебника (изредка встречающаяся, впрочем, и в старых пособиях) входила в практику очень медленно: даже разделяя грамматику на части, авторы учебников стремились сохранить последовательность изложения, свойственную систематическому описанию латыни (сначала морфология, и только затем — синтаксис). На этом фоне даже небольшие методические новации (вроде раннего введения темы *accusativus cum infinitivo*) выглядели революционными. Как показывает анализ учебников, изданных даже в самые суровые годы, идеологический фактор оказывал сравнительно небольшое воздействие на их содержание; таким образом, в учебниках латыни не заметно ни значительного влияния советской идеологии, ни желания авторов слишком явно экспериментировать с методикой преподавания.

Доклад *М. Н. Кирилловой* (Москва) «“Римская революция” в концепциях мировой историографии и в советских вузовских учебниках 1930–1940-х годов» был посвящен анализу проявившейся в это время тенденции характеризовать события римской истории конца II — начала I в. до н.э.

как «революцию». В зарубежной историографии во многом под влиянием работ М. И. Ростовцева, а затем Р. Сайма закрепляется традиция использовать применительно к этому периоду термин «римская революция», однако точные хронологические рамки данного явления варьировались в зависимости от взглядов конкретных исследователей. Советская наука, долгое время воспринимавшая данный период как первый этап «революции рабов», в итоге отказалась от этой идеи, как показывает материал учебных пособий, вернулась к традиционному определению «гражданские войны», распространяемому и на события первого сицилийского восстания рабов. *А. В. Шарова* (Москва) в докладе «Революция рабов как форма перехода от античности к средневековью в учебных изданиях Е. А. Косминского» продемонстрировала, какую эволюцию данная концепция проходила в медиевистике не только в результате ее навязывания свыше, но и в ходе обсуждения учебных пособий по инициативе их авторов. Анализ текстов учебников для школ и вузов, написанных Е. А. Косминским или вышедших под его редакцией на протяжении 1930–1950-х годов, показывает, что в этот период «расширялась социальная база» предполагаемой «революции» за счет подключения к ней германцев (а позднее, и славян, для Восточной Римской империи – завоевателей-арабов), образ которых как творцов нового феодального общества становился все более положительным. Нашествие германских народов представлялось опережающим собственно «революцию рабов и колонов» в Римской империи; при этом формировалась «доказательная база» теории «революции рабов» путем тщательного подбора примеров как восточных, так и более частных проявлений открытого недовольства (причем вне связи с политической или религиозной ситуацией в Римской империи). Хронологически «революция» растягивалась на века, становясь тождественной процессу феодализации; при этом серьезное влияние этой концепции обнаруживается даже в III томе «Всемирной истории», опубликованном в 1957 г.

Второй день работы конференции, прошедшей в РГГУ, был посвящен различным вопросам истории изучения и рецепции античности в СССР. Первое заседание второго дня («определяющее») «Хроники великого перелома: советское антиковедение до войны» открыл доклад *С. Г. Карпука* (Москва) «Начало академического антиковедения в Москве: первое десятилетие сектора древней истории Института истории АН СССР», в котором был освещен период создания в предвоенные годы в Москве научно-исследовательского центра по изучению древней истории. С самого начала задачей сектора древней истории была подготовка первых томов «Всемирной истории», однако наиболее значимым результатом оказалось создание научной среды, которая способствовала изучению древности в СССР. *О. В. Метель* (Омск) в сделанном по скайпу докладе «Секция докапиталистических формаций Комакадемии, или Как не стать центром изучения древней истории в СССР» представила этапы эволюции «комакадемической» структуры, связанной с изучением древней истории (социологическая секция – секция докапиталистических формаций – бригада по изучению темы) и показала причины, сделавшие невозможным ее превращение в ведущий советский научный центр в данной исследовательской области. В докладе *А. М. Скворцова* (Челябинск) «Подготовка антиковедов в СССР в середине 1920 – середине 1930-х годов» отмечалось, что четко построенной системы обучения и учебного процесса в те годы не существовало, причем просматривается тенденция видеть в аспирантах РАНИОН и ГАИМК научных сотрудников, а не обучающихся. Негативные последствия имели непродуманность процесса подготовки исследователей, их большие общественные нагрузки, тяжелое материальное положение, а также низкий уровень подготовки в школах и вузах.

Второе заседание 26 ноября («решающее») «Заграница нам поможет? Реноме и международные связи советских антиковедов» началось докладом *О. В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «Хайнц Хайнен и советская наука об античности». Докладчица подчеркнула, что профессор Трирского университета Хайнц Хайнен (1941–2013), в научных занятиях которого проблемы истории Причерноморья и тема античного рабства занимали значительное место, внес особенный вклад в развитие связей между западноевропейской и советской, а также постсоветской наукой об античности: он был инициатором и автором переводов на немецкий язык работ российских ученых, составил целый ряд обзоров советских исследований по рабству и поддерживал активные контакты с антиковедами из России. В докладе *П. А. Евдокимова* (Москва) «Кипр почти не виден: советская историография о месте и роли острова в Восточном Средиземноморье» было отмечено, что, хотя советские ученые и в довоенное время были знакомы с древней историей Кипра, лишь в начале 1960-х годов (в связи с провозглашением независимости Кипра) древняя история острова впервые стала самостоятельным объектом интереса. Это выразилось в поездках на Кипр отечественных археологов и антиковедов, в организации выставок кипрских древностей в СССР, а также в защите двух диссертаций, однако не привело к образованию в Советском Союзе ни собственной устойчивой научной традиции изучения древнего Кипра, ни постоянных институций, которые занимались бы этим направлением.

Последнее заседание конференции («завершающее») «С пафосом и без: рецепция античности в СССР» открыл доклад *С. И. Межерицкой* (Санкт-Петербург) «Античность и ее отражение в творчестве Всеволода Рождественского (1895–1977)», посвященный проблеме соотношения советской цензуры и творческой свободы автора на примере изучения творческого и эпистолярного наследия ленинградского поэта Вс. Рождественского. С. И. Межерицкая продемонстрировала, в какой степени официальная критика и государственные органы оказывали очевидное негативное влияние как на выбор тематики, так и на поэтику его стихотворений. Это не в последнюю очередь нашло выражение в заметном редуцировании античных реминисценций, мотивов и образов в поэзии Вс. Рождественского при неизменно высоком интересе автора к культуре античности и ее рецепции в русской классической поэзии. В докладе *Е. А. Чиглицева* (Казань) «Образы античности в советском социокультурном контексте 1920–30-х годов» была рассмотрена трансформация дореволюционной культурной традиции отношения к античности в новых условиях и продемонстрированы особенности использования агитационно-пропагандистского потенциала античности. Так, образ Герострата персонифицировал в пролетарской поэзии разрушение старого мира, а образ Спартака в драматургии – борьбу за свободу пролетариата. Метаморфоза культурной традиции видится и в переводческой деятельности филологов-классиков: переводы античных авторов активно политизируются или упрощаются по смыслу, а биографии переводчиков отражают социокультурные реалии своего времени. Автор доклада обозначил положение носителей культурной традиции понятием «духовная резервация», показав на примере творчества О. Э. Мандельштама связь образов античности с новой эпохой.

В оживленном обсуждении докладов, помимо самих авторов, приняли участие М. И. Зиновина, Е. В. Ляпустина, О. В. Сидорович, О. Л. Габелко и другие коллеги. Было единодушно высказано мнение о целесообразности организации новых конференций, посвященных истории изучения древности и рецепции ее наследия в советское время.

Sergey G. Karpyuk,
Institute of World History, Russian Academy
of Sciences. Moscow, Russia
oxlos@yandex.ru;

Ivan A. Ladynin,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia
ladynin@mail.ru

С.Г. Карпюк,
д.и.н., Институт всеобщей истории РАН,
Москва, Россия;

И.А. Ладынин,
к.и.н., Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова,
Москва, Россия